

Усть-Илимску

Старый, новый — двугородный,
В стройках прошлое храня,
Ты, как детство, сердцу годный,
Не уходишь от меня.

И, хотя во многом — частный,
В сердце значишься — моим!
Ты судьбой к стране причастный,
Я — к свершениям людским.

В небе памяти о стройках —
Лет тех славных облака,
И глядят вослед им стойко
Мост с плотиной сквозь века.

И шагаю рядом с теми,
Для кого я здесь живу,
Твои боли, тяжесть, время
Ощущая наяву...

Политэлита

Услышу лишь слово «элита» — И в завтра дорога размыта...
И станет в мурашках спина: Плодится в стране нищета...
Как будто войною разбита Какая же это элита!?
Элитой наша страна. В основе своей — сволота!

В Рождество

О совпадение: Рождество Христово,
И день рожденья матушки моей!
С утра моя душа парить готова,
И мне вдвойне отрадней и светлей!

Природа Ангару хоронит

Заметно пар уходит от плотины
И похоронным шествием идёт.
Заплакан берег выплесками с тиной,
С водой протяжно всхлипывает лёд.

Касаясь неба, впереди белеет
Морозом ночью сотворённый гроб.
Венками сопки дальние алеют
С рябыми лентами дорог и троп.

Кусты и снег в молитвенном поклоне,
И блёстки, будто свечки в их руках.
Природа дочку Ангару хоронит
С течением в бурунах, в завитках.

И рядом с ней — дух Дарьи и Матёры,
И души деревень и островов.
В нём вздохи ледоходов, стон заторов,
Прыжки тайменей, всплески осетров..

Виной пронзённый, содрогаясь, вижу
Её в удавках четырёх плотин,
А в памяти — всё та, что сердцу ближ
С обилием живительных картин,

Где я до слёз боготворил живую,
Ту, о которой в песнях мы поём,
Кристалльную, в порогах, вековую,
Что вечно в сердце здравствует моём..

О детях военных лет (Дети войны)

Мы — дети страшных лет России —
забыть не в силах ничего.

Александр Блок

Нет, нет! Не дети мы той проклятой войны,
Как нет детей, кто б звал её своею мамой.
И, много лет спустя, в том часть её вины,
Что мы сроднились с бедностью — позорной ямой!

Война, как мор, рождает смерти, не детей,
И множит безотцовщину, сиротство, горе.

Мы — дети Родины, мы отпрыски полей
И деревень, и городов, степей и моря.

С рожденья, с люлек ненавидели войну:
Нам сны она рвала то выстрелом, то взрывом...
А после всенародно строили страну,
В беде и радости с ней были — неразрывно!

Теперь в других боях земля былой страны,
Вопят Отечества духовные руины.
Мы стали никому сегодня не нужны,
Живём в своей стране, как пасынки чужбины...

Но твёрдо знаем, — нам завещано судьбой —
Хранить Огонь немеркнущий Победы!
Пройдя сквозь месть и смерть, и ад, огонь и бой,
Её завоевали нам отцы и деды!

И если в США кому-то в головы взбрѣдет —
Начать с Отчизной говорить военным тоном,
Пусть вспомнят про Рейхстаг, — увидят наперѣд —
Советский флаг на Белом Доме в Вашингтоне...

Скорблю и я

Угрюмое в деревне настроенье,
И боль скребѣт всех жителей давно:
Неужто пашни, кладбища, селенья
Врастут навеки в илистое дно.

И я, строитель, вдоль построек древних
Иду, в беде задумавшись, грущу.
Мне голосом ворот скрипит деревня,
Как будто хочет крикнуть: «Не пущу»!

И горе лайкою со мной плетѣтся рядом,
И взгляд прохожих колок и тяжѣл,
И обдаѣт меня отяжелевшим чадом
С замшелой крыши дым, как осень, жѣлт...

Ах, островок житейского покоя,
Одетый то в туманы, то в снега,
Скорблю и я, что не звенеть покосам
На островных и пойменных лугах.

Что жители, скорбя, уже навеки
К могилам не придут — к своим корням.

Из-под ладони древнего навеса
Не взглянут вслед гогочущим гусям.

Старинный двор не огласит уж боле
Подойника и струй молочных звень...
Скорблю и я: мне жаль до слёз, до боли
Исчезнувших российских деревень...

Играли дети...

У школьного зелёного забора
На скользком, чуть оттаявшем бугре
Стоял мальчишка, с рыцарским задором
Путь преграждая бойкой детворе.

Внизу — портфель. У ног валялась шапка —
С трудом взобрался, видно по всему,
И вот теперь влекущая площадка
Ему принадлежала одному.

Весна земле готовила обнову,
Ходил апрель капелью вдоль стены,
И, вниз скатившись, устремлялись снова
К нему бочком настырно пацаны.

А стройка редкой дымной занавеской
Таёжную закрыла красоту...
Подумал я: им луг бы деревенский
Да русскую забытую лапту!

...О мяч, летевший в чистом поднебесье,
Как жаворонок, прятался в траве.
И журавли — как ноты вольной песни —
Мой взгляд влекли к себе и синеве.

Под шум берёз и писк птенцов в скворечнях
Довольный шёл, набегавшись, к избе...
За шум садов, за песнь полей безбрежных
Я благодарен Родине, судьбе...

И не по мне, что нынешним мальчишкам
На городских площадках нелегко,
А им бы луг да сельское затишье,
Да пить взахлёб парное молоко!

И, проходя под дымной занавеской,
Я размышлял: чтоб стали лучше жить,

Отчизне надо луг тот деревенский
С удобством городским соединить!...

Просьба отца из «Бессмертного полка»

Года с землёй сравнивали блиндажи,
Заштопали травой и кустами.
Но, слава Богу, в памяти свежи —
«Бессмертный полк» идёт на праздник с нами!

Идёт по свету небывалый полк
На зависть европейским святотатцам,
Алеют небеса, как стяга шёлк,
Идёт не в бой, а с душами брататься...

Отец мне с болью говорил во сне,
Как пулями, словами в сердце метил:
«Портрет не ладь на штендер, чтобы мне
Не видеть то, что многим незаметно...»

Неси, как связь, в руках, прижав к груди,
Чтоб я в веках твоё дыханье слышал.
Чтоб праздных душ не видеть впереди,
Прижми к себе, не поднимая выше.

Чтоб не видал, что нет родной страны,
За жизнь которой я погиб под Прагой,
Что флаги незнакомые видны,
И нет, с которым шёл в атаку, флага».

И просьба потрясла, как будто ток,
Подобной встряски я не ведал в жизни:
Он защитил, а я сберечь не смог,
Не сохранил великую Отчизну!

Май

Как дачник, выждавший хорошую погоду,
Истосковавшийся давно по огороду,
Май молодой под тёплый шёпот ветерка
Сгребает, что ботву сухую, облака.

И слушает, как шумно у комля распадка
С речушкой шустрою встречается ручей,
И как вода несёт на льдине сине-гладкой
Постели зимние рябцов и косачей.

И смотрит вдаль на город грязноватый,
Ещё не мытый веской ливневой грозой,
А синие глаза влажнеют сладковатой,
Пропахшею весной берёзовой слезой.

На высоте

Не до красот тайги, поверьте,
И управлять собой трудней,
Когда испытывает ветер
Обхват страховочных ремней.

Когда замрёт от взгляда туча,
А мачта, кажется, летит,

И снизу смотрят, снизу учат,
Земля качается, дрожит.

Стою, верхушку обнимаю,
Над страхом собственном смеюсь.
Хотя надёжна цепь, я знаю,
Но мачту отпустить боюсь.

После отпуска

Пишу всегда о том, что есть.
Не похвалы и славы ради...
Отвык я просыпаться в шесть,
Давать задание бригаде.

Иду с волнением в груди,
Как в день, когда — впервой в спецовке.
И год рабочий впереди,
И встречи праздников в бытовке.

Мне по душе и стройки звон,
И шелест огненной осины.
Где я укладывал бетон,
Ползут цепочкою машины.

И обнимаю взглядом вновь
Забор дощатый и скамейку,
Прорабки белое окно,
И плохо сложенную рейку.

Смеётся мастер у дверей.
— Ну вот и Мишка наш явился.
Смотрите, братцы, стал полней,
Помолодел и изменился.

Я слова не могу сказать,
Не подаю при этом виду —
Смотрю товарищам в глаза
Так, будто год уже не видел.

Без этих дум...

Цех опустел, как кинозал,
Умолкла музыка работы.
Лишь сваркой изредка гроза
Сверкнёт в распахнутых воротах...

Благодарю судьбу за то,
Что я — страны моей строитель.
И за спиной моей никто,
Смеясь, не скажет: «Трудозритель!»

Что точность собственных стихов
В истоках строчек проверяю.

И думы баб и мужиков
С своими думами сверяю.

Они сложны, как взлёт ракет,
И так просты, как труд в траншее.
В пути моём цены им нет:
Они знобят меня и греют.

Без них я сам — как этот зал
С умолкшей музыкой работы...
Обед. Лишь сваркою гроза
Сверкнёт в распахнутых воротах.

Бестолковость

Зелень майскую деревьев
Ветер треплет тут, в дали.
Пьяный с руганью, с презреньем
Мнёт, как грязь, в руке рубли.

И колотит в дверь сердито:
— Мне пузырь всего один!
Но молчит уже закрытый,
Опустелый магазин...

Через годы вновь рывками
Зелень мечется вдали.

Трезвый тряскими руками
Клянчит жалобно рубли.

Водки всякой, хоть опейся,
Сколько надобно бери!
В магазине льются песни,
Не толпятся у двери...

Только редьки хрен не слаще,
Хоть пляши, хоть голоси!
Бестолковость нынче чаще
С болью вижу на Руси...

17 февраля

Владимиру Скифу

К стране любовью ты в бессмертье вознесён,
И боли всех веков в тебе смешались с кровью.
И я под вечным «Древом с листьями имён»
Пью за твоё, мой друг, и Родины здоровье.

Бездушие

Да, у одних — богатство, и дворцы растут,
Другим же — МРОТ, а третьим — лишь потребкорзина.
Сегодня — миллионы в нищете живут
При иностранном изобилье в магазинах...